

УДК 81'373; 811.453

ГОТСКИЙ ЯЗЫК: ЧЕРТЫ РЕЧЕВОЙ АУТЕНТИЧНОСТИ

Ю.М. Трофимова

Мордовский государственный университет

им. Н.П. Огарева, Саранск

В статье на базе оригинальных готских текстов делается попытка реконструкции некоторых подлинных черт готской речи с особым акцентом на важность восстановления исконных свойств готского языка, который дошел до нас в виде дословного перевода Библии, затемняющего присущие ему признаки. Обосновывается необходимость дифференциации языковых уровней, подлежащих лингвистической реконструкции на материале готского языка, и предлагаются некоторые решения реконструкции уровня речи.

Ключевые слова: готский язык, речь, оригинальные и переводные тексты, лингвистическая реконструкция, сравнительно-исторический метод.

Some Aspects of Gothic Speech Authenticity

Yulia M. Trofimova

Mordvinian State University

The article deals with some speech peculiarities which are subject to linguistic reconstruction on the basis of available original Gothic texts. The article stresses the importance of reconstructing genuine Gothic language and speech properties obscured by the word-for-word translation of the Gothic Bible. The author gives grounds for the necessity of differentiating language levels that can be recreated with the help of linguistic reconstruction. Some variants of reconstructing certain aspects of Gothic speech authenticity are suggested.

Key words: the Gothic language, speech, original texts and texts of translation, linguistic reconstruction, comparative-historical method.

Готский язык как самый древний германский язык, получивший письменную фиксацию в значительном объеме текстов, всегда служил важным источником при установлении общегерманских черт в различных древнегерманских языках. Основным доступным нам текстом на готском языке является Готская Библия, представляющая собой дословный перевод греческого текста. Переводчик готского текста, каковым традиционно признается Вульфила, переводил текст, не отступая от пословных соответствий, и это обстоятельство самым существенным образом отразилось на облике дошедшего до нас готского языка.

Можно достаточно определенно заявить, что чем выше и сложнее языковой уровень, тем меньше уверенности в том, что текст Готской Библии донес до нас подлинные черты готского языка. Если в фонетике можно быть уверенным, что облик готского слова именно тот, с каким мы имеем дело в тексте, то уже в грамматике не всегда можно прийти к однозначному мнению относительно собственно готских черт, которые иногда весьма затруднительно отделить от черт, скопированных с

греческого. В частности, М.М. Гухман отметила в свое время, что в абсолютных оборотах готского языка, которые чаще всего соответствуют абсолютным оборотам подлинника, мы, по-видимому, не имеем синтаксических калек [1. С. 230]. Это слово – *по-видимому* – очень показательно, так как полной уверенности здесь быть не может, хотя есть и бесспорные примеры греческого влияния, как, например, обилие причастий. Однако наибольшая сфера расхождений касается семантики, поскольку готский текст отражает совершенно незнакомые готам иудейские реалии и понятия. В этой связи уже неоднократно отмечалось, что готская лексика оказалась нагруженной значениями, которыми она в действительности не обладала.

Красноречивым примером может послужить лексема *bokareis*, использованная для передачи такой реалии иудейского мира, как «книжник» (если остановиться на варианте перевода из русскоязычного Евангелия). Разумеется, никаких книжников в готском социуме не существовало, и данная лексема могла называть кого угодно, но не человека, который выполнял те же функции, что и книжники в текстах Евангелия. Эти люди в Израиле после вавилонского плена ревностно изучали и охраняли Священное Писание и были самыми влиятельными людьми среди еврейского народа. Их называли книжниками, по-еврейски «соферим» (буквально означавшее «писцы» [3. С.213]). Если же обратиться к внутренней форме этого существительного, то становится ясной его производность от *boka* «буква, запись, книга»; однако здесь имеется в виду не та книга, которая соответствует Священному Писанию иудеев. Слово просто указывает на грамотного человека, которых у готов было явно не так много, поскольку ученость у них не приветствовалась. Даже сам король остготов Теодорих был неграмотен и запрещал своим сородичам получать образование и приобщаться к римской культуре. Сохранилось его высказывание: «Кто дрожал перед розгой школьного учителя, тот не станет хорошим солдатом» [2. С. 46].

Ниже приводится употребление этой лексемы вне библейского текста, и думается, что оно и было характерным для готского языка как в момент перевода Библии, так и в период остготского королевства.

Как представляется, одна из самых привлекательных проблем готского языка – это восстановление исконно присущих ему черт в лексике, семантике, а также и в речевых конструкциях. Пословный характер перевода не только отражается на семантическом объеме лексемы, но и затушевывает естественное построение готского предложения, а также речевые модели при выражении мысли. По этой причине исключительную ценность имеют оригинальные тексты на готском языке, которых, однако, сохранилось ничтожно малое количество. Именно они могут пролить какой-то свет на отдельные особенности готской речи. Их восстановление также явится своего роëлингвистической

реконструкцией, а именно реконструкцией речевых фактов – процедурой, совершенно неопробованной на сегодняшний день в каких-либо исследованиях.

Традиционно лингвистическая реконструкция понимается как гипотетическое воссоздание исчезнувших языковых форм и систем на основе их позднейших отражений, а также с учётом возможных путей языкового развития, и как восстановление их общего праязыка. Современные исследования используют понятие лингвистической реконструкции в очень широком диапазоне. Достаточно, например, посмотреть на заголовок диссертации Е.В. Ракитянской: «Опыт лингвистической реконструкции женской коммуникативной личности XVI-XVII вв. (на материале произведений В. Шекспира)» [5]. Подобное оперирование понятием лингвистической реконструкции может послужить примером для его дальнейшего развития в зависимости от конкретных потребностей. Чем, например, оно может оказаться в приложении к реконструкции речевых особенностей готского языка, которые можно рассматривать и как способы характерных для него приемов выражения мысли? Видимо, дальнейшим познанием ресурсов старого сравнительно-исторического метода, обоснование которого в новой функции и предлагается ниже.

Перейдем к анализу текстов, которые могут содействовать в решении поставленной задачи. В этом случае следует обратиться к малым текстам, а конкретно к готским подписям под двумя латинскими купчими. Они, однако, отстоят от библейского готского на два века и демонстрируют уже образец языка совершенно другого времени и другой территории, а именно эпоху остготского королевства в Италии, уже клонившегося к закату: купчая из Неаполя датируется 561 г., а купчая из Ареццо – 536-538 гг.

Однако и в библейско-готском языке IV в. имеются некоторые непередаваемые вставки, которые практически никогда не комментируются. Сюда относятся такие готские записи, как заголовки и концовки Нового Завета, например: *Aiwaggeljo þairh Lukan anastodeiþ* «Евангелие от Луки начинается» или *Du Rumonim ustauh* «К Римлянам закончилось». Хотя они внесены под влиянием греческих, или, в данном случае, латинских рукописей, имеется одна запись, которая во второй своей части может считаться подлинно готской. Начиная со слов *swe qeþun*, В. Штрайтберг [8. С. 278] квалифицирует её как *kritischer Zusatz: Du Kaurinþium 'a'ustauh. Du Kaurinþium frume melida ist us Filippai, swe qeþun sumai; iþ mais þugkeiþ bi silbins apaustaulaus insahtai melida wisan us Asiai* «К Коринфянам первое закончилось. К Коринфянам первое написано из Филипп (сохраним подлинную семантику предлога *us* «из, от»), как говорят некоторые, но больше кажется, по высказыванию самого апостола, написано из Азии».

Упомянутые выше подписи под купчими в силу их небольшого объема приведем полностью.

(Неаполитанская купчая) Подпись 1: *Ik Ufitahari papa ufm<el>ida handau meinai jah andnenum skilliggans ·j· jah faurþis þairh kawtsjon miþ diakuna Alamoda unsaramma jah miþ gahlaibaim unsaraim andnenum skilliggans ·rk· wairþ þize saiwe.*

Подпись 2: *Ik Sunjaifriþas diakon handau meinai ufmelida jah andnenum skilliggans ·j· jah faurþis þairh kawtsjon jah miþ diakona Alamoda unsaramma jah miþ gahlaibaim unsaraim andnenum skilliggans ·rk· wairþ þize saiwe.*

Подпись 3: *Ik Merila bokareis handau meinai ufmelida jah andnenum skilliggans ·j· jah faurþis þairh kawtsjon jah miþ diakuna Alamoda unsaramma jah miþ gahlaibaim unsaraim andnenum skilliggans ·rk· wairþ þize saiwe.*

Подпись 4: *Ik Wiljarip bokareis handau meinai ufmelida jah andnenum skilligngans ·j· jah faurþis þairh kawtsjon jah miþ diakona Alamoda unsaramma jah miþ gahlaibaim unsaraim andnenum skilig<g>ans ·rk· wairþ <þ>ize saiwe.*

Как можно заметить, подписи под неаполитанской купчей представляют собой совершенно одинаковый текст, различающийся только начальной строкой. Первая из них принадлежит Уфитахари, папе (папа: греч. *πάπας* «пресвитер, священник»): «Я, Уфитахари, папа, подписал рукой моей и получили (мы) 60 шиллингов и ранее в виде поручительства с диаконом Алаמודом нашим и с товарищами нашими получили 120 шиллингов, стоимость этой болотистой земли».

Интерес вызывает несколько измененный порядок слов в трех других подписях: *Ik Sunjaifriþas diakon handau meinai ufmelida...*, *Ik Merila bokareis handau meinai ufmelida...*, *Ik Wiljarip bokareis handau meinai ufmelida.*

Купчая из Ареццо, сообщающая о торговой сделке между дьяконами Гудилайбом и Алаמודом, более всего интересна своей текстовой (а лучше сказать – речевой) структурой:

Ik Gudilub ‘dkn’ þo frabauhtaboka fram mis gawaurhta þus ‘dkn’ Alamoda fidwor unkjane hugsis Kaballarja jah skilliggans ·rlg· andnam jah ufmelida.

«Я, Гудилайб, дьякон, эту торговую грамоту (купчую) от себя сделал тебе дьякону Аламоду четыре унции поместья Кабаллария и 133 шиллинга получил и подписал».

Реконструкцию речевых особенностей следует начать с восстановления речевой ситуации, добавив сюда экстралингвистических подробностей. Вниманием к экстралингвистическим фактам, сопутствовавшим появлению купчих, мы обязаны П. Скардильи [6], который первым указал на них, сделав обычный документ свидетельством эпохи и характерной для нее жизни. Как он замечает, только благодаря источникам из Неаполя и Ареццо «нам удастся проникнуть в гущу и

проблемы практической жизни, получить ценные сведения о хозяйственной организации, духовном состоянии и поведении готского духовенства в вопросах повседневной жизни» [6. С. 269].

Важны и обстоятельства, в силу которых состоялась торговая сделка. Ко времени, когда были написаны эти документы, сложилась напряженная ситуация: господство готов в Италии клонилось к закату, готы находились в тяжелом положении. Возникла опасность, что имущество арианской церкви будет конфисковано в пользу церкви католической. Клир церкви Св. Анастасии в Равенне продает земельные участки и таким образом вступает в соприкосновение с латинским окружением, с римской правовой традицией, с покупателем [6. С. 270].

Нельзя не упомянуть мнения Скардильи, выделившего то, что сейчас назвали бы прагматикой текста: конечно, готы *Gudilaib*, *Wiljarip*, *Merila*, *Ufitahari* и *Sunjaifripas* смогли обучиться латыни очень хорошо, и им не составило бы никакого труда приспособиться к местным обычаям. Однако они предпочли касающиеся их документы подписать шрифтом и на языке своего народа. Это демонстрация собственной силы и необычайно острого осознания своей индивидуальности в культурной и духовной области, что становится тем более очевидным, если вспомнить, что подобное поведение в этой среде и в эту эпоху поистине беспримерно [6. С. 270].

Скардильи очень предположительно высказывается о стиле подписей, замечая, что найти готскую формулу, которая отвечала бы юридическим требованиям правового акта, представляло немалые трудности. Но он отказывается от мысли, что используемые готами формулы были уже заранее заготовлены и просто раз от разу перерабатывались в зависимости от особенностей ситуации [6. С. 270], хотя полной уверенности у него нет и он тем не менее констатирует, что отсутствие в латинской части папируса какого бы то ни было указания на удивительный факт готской подписи, кажется, свидетельствует о том, что речь идет об устойчивом и принятом другой стороной обычае [6. С. 270]. Для нашего случая данный факт, однако, малозначителен, так как при любых обстоятельствах эти подписи несут отпечаток готской речи.

Реконструкция речевых и языковых особенностей никогда не дифференцировалась. Ф. де Соссюр разделил язык и речь, но разделить их при лингвистической реконструкции практически невозможно. Тот или иной речевой образец обязательно будет базироваться на свойствах языка. Как представляется, наиболее оптимальным может оказаться следующий подход. Проанализируем тексты по типу того, как человек, изучающий иностранный язык, выделяет для запоминания в тексте отдельные места и обороты, поскольку они являются принадлежностью именно изучаемого языка, его речевой актуализации. Выделив таковые на готском материале, дополним их сравнениями в полном соответствии с природой сравнительно-исторического метода.

Начнем с библейских комментариев: *swe qepun sumai; ip mais þugkeip bi silbins apaustaulaus insahtai melida wisan us Asiai*.

Конструкция *þugkeip* со страдательным инфинитивом *þugkeip ... melida wisan* очень сильно напоминает английскую конструкцию с семантически однородным глаголом *seem*, например: *The book seems to have been published; Hotel seems to have been seriously renovated and updated since previous reviews and photos*.

Традиционно считается, что в готском языке засвидетельствована только одна форма инфинитива. Что же касается глагола *þugkjan*, то он встречается и в библейско-готском с инфинитивом *wisan* и в сочетании с прилагательным: *K 12, 22 ak filu mais þaiei þugkjand lipiwe leikis lasiwostai wisan...* «члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее...». Однако в анализируемой записи, тем не менее, трудно удержаться от заключения, что инфинитив хотя и не перфектный, как в английском примере, но уже явно не простой. При этом вспомогательный глагол продолжает выноситься в финальное положение по типу немецкого языка, как, например, в такой фразе: *Das Gebäude wird renoviert werden*. Но в купчих уже нет копирования греческого порядка слов.

Являются ли эти факты признаками готского языка VI в., нашедшими непосредственное отражение в речи?

При практическом изучении иностранного языка внимание обращается и на предлоги, а также и на словосочетания как строевой материал предложений. Рассмотрим, в частности, предлоги. О фразе *þairh kawtsjon* П. Скардильи говорит как о соответствии латинскому *per cautionem* [б. С. 279], но при этом рассуждает только о существительном *cautio*. Мы же обратимся к предлогу. Латинское *per* в данной фразе употреблено в значении «через, посредством, при содействии, благодаря» (например, *per litteras* «письменно»), и здесь явно имеет место однотипность латинского предлога библейско-готскому *þairh*, соответствующему нем. *durch*.

Однако вспомним библейскую фразу *Aiwaggeljo þairh Lukan*. Если *þairh kawtsjon* и совмещается с латинским *per*, то в названии Евангелия совпадение не просматривается. Примечательно, что в греческом мы имеем *κατά* «сообразно, согласно, сходно», и при таком греческом соответствии готское *þairh* представляется собственно готским вариантом. Примечательно, что в Евангелиях на многих языках сохраняется соответствие греческому предлогу (англ. *according to saint Luke*, нем. *nach Lukas*, швед. *enligt Lukas*), хотя в русском тексте другой предлог – «от Луки». Тема предлога в названии Евангелий достаточно дискуссионна. В частности, священником Георгием Чистяковым было отмечено, что хотя русское «от Марка», «от Матфея» указывает на то, что данное Евангелие от начала до конца написано тем или иным евангелистом, традиция утверждает, что Евангелие от Марка было написано для проповеди среди

римлян, на основе проповеди апостола Петра в Риме. Марк повторил в своей проповеди то, о чём говорил Пётр, а затем ученики Марка составили Евангелие *ano, secundum* («согласно Марку»). Это значит не *by Marc*, а *according to Marc*, то есть «согласно проповеди». И по-французски, скажем, это не *par St. Marc*, а *selon St. Marc*, то есть «согласно проповеди Марка, согласно тому, что говорил некогда Марк» [7].

В латинском варианте Евангелия от Луки мы находим предлог *secundum* «в соответствии с»: *Evangelium secundum Lucam*. На этом фоне готский вариант действительно воспринимается как его собственный эквивалент, напоминающий немецкий пассив, когда деятель-неодушевленный объект вводится через предлог *durch*, например: *Der Unfall wurde durch einen Lastwagen verursacht*. Но в названии Евангелия упомянуто лицо, и здесь, видимо, также обнаруживается готская речевая особенность.

В числе использованных предлогов отметим и предлог *bi* во фразе *bi insahtai* «по свидетельству». И в этом случае речевая значимость приведенного выражения будет заключаться не в обобщенном значении предлога, а в реальности для готского языка оборота со значением «по свидетельству». Не забудем и предлог *us* «из, от» в локальных индикациях: *us Filippai* «из Филипп», *us Asiai* «из Азии».

Следует принять к сведению и порядок слов, который допускает следующее варьирование: *ufm<el>ida handau meinai/ handau meinai ufmelida*.

Обращает на себя внимание тот факт, что притяжательное местоимение находится в постпозиции к определяемому существительному: *mip diakuna Alamoda unsaramma jah mip gahlaibaim unsaraim andnemetum*. Здесь вполне можно сослаться на латинское влияние, потому что там притяжательное местоимение совершенно нормально может стоять в постпозиции к существительному, например: *Epistulam meam mitto* «Я посылаю свое письмо». Но и в Готской Библии также имеет место постпозиция, хотя там все можно списать на дословное следование: *M 8, 17 sa unmahtins unsaros usnam jah sauhtins usbar* «Он немощи наши взял и болезни понес». Значит ли это, что остготский язык усвоил латинское влияние? Примечательно, что в нормальном употреблении постпозиция в современных германских языках исключается.

Самым ярким примером словосочетания явится следующее: *þo frabauhtaboka gawaurhta*, т. е. буквально «сделать грамоту». Своеобразие в использовании глагола «делать» обнаруживается только в сравнительном плане. В частности, французский язык строит массу словосочетаний разной степени идиоматизации с глаголом *faire* «делать», совершенно недопустимых для русскоязычного пользователя, например: *faire la Bretagne* «побывать в Бретани», *faire la moral* «читать нотацию», *faire antichambre* «долго ждать приема».

Привлекает внимание особенность не употреблять местоимение при глаголе, так как окончание указывает на лицо (*jah andnenum skillingans :j·*), что также можно списать на греко-латинское влияние, но можно и не списывать.

Если применять сравнительно-исторический метод к речевым образцам, то, видимо, следует учесть, что все уровни языка выше фонетического принадлежат гораздо более глубинным ментальным сферам, и здесь можно расширить хронологические рамки сопоставлений, так как одинаковые образцы могут фиксироваться в достаточно большом хронологическом диапазоне.

Посмотрим в этой связи на фрагмент из грамоты Ивана Грозного. В грамоте Грозного, обращенной к духовенству и боярской Думе, доставленной в Москву 3 января 1565 г. государевым гонцом Константином Поливановым, Иван IV, отрекаясь от престола, объяснял свою опалу тем, что «бояре и воеводы земли себе его государские **разоимали**, и друзьям своим и родне земли (те) **раздавали**; и держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалованья государские кормленные емлючи, и собрав себе великие богатства... о государе и о его государстве и о всем православном христианстве **не хотя радети**, и от недругов от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянство **обороняти**, наипаче же крестьянам насилие **чинит**» и т. д. (цит. по: [4]).

Здесь та же особенность, что и готских подписях, а именно передача информации как бы на одном дыхании. Речевые особенности приведенных образцов готского текста, могут, однако, оцениваться с позиции современного человека, привыкшего к нормированной речи и кроме того имеющего различные пособия по грамотному построению речи. Даже при работе с древним материалом в эти пособия стоит заглянуть, чтобы сделать вывод о том, как эволюционируют в обществе речевые нормы.

Современный человек, даже достаточно грамотный, может строить далеко не идеальные тексты, нарушая такие правила, как логическая комбинация выражаемых мыслей, а также группировка их в предложения. Именно эта черта и бросается в глаза в готских подписях: нет членения на логические периоды (которые бы просто соответствовали предложениям), информация подается так, что сохраняется двусмысленность в конструкциях, например: *þo frabauhtaboka fram mis gawaurhta þus 'dkn' Alamoda fidwor unkjane hugsis* («грамоту сделал Аламоду или 4 унции ему?»). Здесь явно зафиксирован чисто разговорный стиль, при этом стиль не очень грамотного человека.

Можно ли принять к сведению приведенное свидетельство эпохи Грозного, ведь между ним и готскими подписями дистанция в тысячу лет? Выдержит ли сравнительно-исторический метод такие хронологические разрывы? Можно попытаться выяснить, ведь это тот уровень, к которому

названный метод ещё не применялся. В данном случае, однако, не обойти понятия языковой нормы, которое не применимо к тем эпохам. А в его отсутствие древние тексты могут просто изобиловать разговорными штампами и всяческими нелогически оформленными выражениями мысли, как раз и являющимися показателями разговорного стиля, а заодно и уровня грамотности.

Библиографический список

1. *Гухман М.М.* Готский язык. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 288 с.
2. История средних веков. М.: Высш. школа, 1964. 703 с.
3. *Нюстрем Эрик.* Библейский словарь, перевод со шведского. Канада, Harmony Printing Ltd., 1980. 517 с.
4. *Пронина Н.* Иоанн Грозный. "Мучитель" или Мученик? // Электронный ресурс интернет: [ic-xc-nika.ru» Alexandrov_M...Muchetel...Muchenik.html](http://ic-xc-nika.ru/Alexandrov_M...Muchetel...Muchenik.html).
5. *Ракитянская Е.В.* Опыт лингвистической реконструкции женской коммуникативной личности XVI-XVII вв. (на материале произведений В. Шекспира): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 226 с.
6. *Скардилъи П.* Готы: язык и культура. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2012. 388 с.
7. *Священник Георгий Чистяков.* О чтении Евангелия // Электронный ресурс Интернет: [tapirr.narod.ru»ekkklesia...nadstrokami1.htm](http://tapirr.narod.ru/ekkklesia...nadstrokami1.htm).
8. Die Gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg: Winter, 1908. Bd. 1. 484 s.